

Общие проблемы
политической концептологии

**ФИЛОСОФИЯ И ПОЛИТИКА.
ПРАГМАТИЗАЦИЯ ИЛИ РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ
ПОЛИТИКИ?**

А.Л. Захариаиш
Жешовский университет (Польша)

Аннотация: В статье рассматриваются различные аспекты конфликта между философией и политикой: философия как познание и обоснование политических действий; исторические формы обоснования политических действий; *public relations* как обоснование политики; конфессионализация политики. В заключение автор формулирует тезис о необходимости возврата к политическому разуму на основе преодоления партикуляризма политики, государства и религии и описывает опасности, характерные для бывших стран советского блока: погружение в прагматизм повседневной жизни блокирует динамику цивилизации и ведет к распаду и крушению государств; подчинение религии государству означает формирование конфессионального государства, культивирующего нетерпимость к другим религиозным ориентациям. В настоящее время конфликт между данными тенденциями набирает силу.

Ключевые слова: философия политики, прагматизация и конфессионализация политики.

1. Предварительные замечания.
Вопрос об отношении философии и политики

Какими бывают и какими должны быть отношения между философией и политикой? Поскольку связь указанных двух сфер обычно ведёт к подчинению философии интересам и целям политики, то разве философы и философия не должны держаться подальше от политики? Разве такое подчинение не преобразует мышление истиной в мышление интересами, а философию в идеологию? Разве хотя бы по этой причине философия и политика не должны быть удалёнными друг от друга сферами, а наиболее желательным было бы такое положение вещей, когда они существовали бы не только по отдельности, но и сохраняли бы полную автономию относительно друг друга? Но разве так бывает? История указанных двух сфер показывает их различные взаимосвязи. Поэтому возникает вопрос о характере данных связей: какие из них следует признать допустимыми и даже желательными, а какие угрожающими ав-

тономии каждой сферы и даже ведущими к их взаимному отрицанию? С точки зрения философской практики и политической практики это вопрос о том, в какие отношения к политике может и должна входить философия, а также о том, нужна ли философия политике. Следует заметить, что связи философии с политикой намного сложнее, чем предполагает последний вопрос. В любом случае это отношение не является взаимным и симметричным. Несомненно, политика может быть и бывает предметом философского размышления, а значит и предметом философии. Но должна ли философия быть предметом политических действий? Разве в таком случае политика нужна философии? А если «да», то в каких измерениях данных сфер?

В данном тексте я не собираюсь давать исчерпывающий ответ на поставленные вопросы. К тому же не все они будут и должны определять сферу предлагаемых заметок. В соответствии с названием текста я хочу обсудить первую часть данного отношения — отношения философии к политике, особенно о воздействии или влиянии философии на политику.

2. Философия как познание и обоснование политических действий

Обычно философия определяется как рефлексия или теоретическое размышление¹ о том, что является и в своей определённости может быть предметом размышления. Речь идёт о том, что представляется познающему субъекту как «это» или бытие. Одним из моментов самопрезентации бытия человеку в его практической активности есть то, что в настоящее время определяется понятием политики². Политика как социальное бытие человека в структурах власти с самого начала философских размышлений была предметом рефлексии. С учётом высказываний первых философов философия родилась из размышления о бытии человека среди людей и возникающих в совместном бытии отношений, а в результате также более или менее устойчивой структуры совместного существования. Философское мышление формировалось в сфере греческой культуры, которая сочла нормой такой способ бытия человека. Её формулой был полис, который в современном политическом языке определяется понятием «города-государства».

Первичным жилищем человека была пещера (*antrope*). По определению Аристотеля, с момента выхода из неё человек стал городским или политическим животным (*zoon politicon*). Об этом способе бытия человека размышляли уже софисты (Протагор, Горгий, Калликл, Фразимак), а философы Сократ, Платон и Аристотель сделали это предметом систематических исследований и одной из основных сфер философии³. В настоящее время рефлексия о способе политического бытия человека тоже образует один из главных предметов философских размышлений. Однако проблема в том, что современная философская рефлексия, по крайней мере, с определённой точки зрения, обрела новое измерение. Прежде философы ставили проблемы и стремились их понять. Современные философы политики особенно заинтересованы практическим применением философии в политике, функционированием философских идей в политике. Современные наследники Фалеса Милетского слишком буквально понимают одиннадцатый тезис Карла Маркса: «Философы лишь различным образом понимали мир; дело в том, чтобы его изменить» [Marks 1949: 385]. Мыслители из-под флага постмодернистского прагматизма идут ещё дальше. Они отказываются от познавательной функции филосо-

¹ По крайней мере, теоретический характер философии не отрицает, что предметом философских размышлений не может быть практика или рефлексия о практических формах и результатах активности.

² Имеется в виду интуитивное понимание данного понятия, которое уточняется в дальнейшем изложении.

³ Проблематика государства, права и политики присутствовала во всей истории философской мысли. После философии Аристотеля достаточно упомянуть стоиков, Августина, Фому Аквинского, Макиавелли, Бодена, Гоббса, Локка, Юма, Руссо, Канта, Гегеля, Маркса, Вебера.

фии и ограничивают её формулировкой конкретных практических решений. В этом направлении движется мысль Ричарда Рорти. Он понимает философию как искусство формулировки политических проектов будущего [Zieba 2012: 177; Rorty 2009: 17]. Конечно, можно согласиться с тем, что создание новых политических решений является одной из важных задач философии. Однако они не должны сводиться к вербализации партикулярных интересов, новым идеологиям и мифам, которые создаются на потребу конкретных обстоятельств. Всем таким решениям должно предшествовать познание действительности, к которой они относятся. Практическое применение философии невозможно рассматривать, а тем более реализовать без познания и гносеологических размышлений. Возвращаясь в этом контексте к мысли Маркса, следует подчеркнуть: в философии речь не идёт о том, чтобы только изменять мир; важнейшая обязанность философов состоит в познании и формулировке новых пропозиций его формирования, новых политических идей, которые могли бы изменять мир на более совершенный.

Политика всегда реализуется в определённом контексте социальных отношений. Горизонт данного контекста определяется не только человеческими отношениями, но также рамками определённого пространства и времени. Любая активность находит в них свои пределы и обоснование. Вне данных рамок действия становятся чисто случайными, диктуются стремлением удовлетворять желания и инстинкты или движутся вокруг мелких дел. Такие действия ничуть не отличаются от обыденного поведения. Поэтому возникает вопрос: можно ли вообще определить и указать специфику политических действий? При этом следует отметить, что попытка абсолютного определения и обоснования политических действий требует выхода за пределы эмпирии и использование теоретических конструктов, основанием которых была бы неопределённая формальная или метафизическая действительность⁴. Мы ограничиваемся попыткой объяснения и определения политических действий в их эмпирическом измерении. Поэтому должны согласиться с утверждением: любая пропозиция такого рода, тем более её обоснование определяется системой мышления и культурой, в которой они формулируются. Это значит, что каждое из них может быть признано обоснованным в рамках системы, в которой они формулируются, но по отношению к другим системам они являются лишь релятивными, неокончательными и не абсолютными.

3. Исторические формы обоснования политических действий⁵

Как я уже писал, наиболее широким пространством возможного обоснования политических действий является их культурный контекст — то есть культура, в которой они формулируются. Культура, особенно европейская, это совокупность различных систем смыслов, которые не только взаимно дополняют друг друга, но и нередко находятся в противоречиях и даже конфликтах между собой. Как обычно полагают, политика, религия, искусство, мораль, наука, сферы развлечений и экономического поведения являются настолько различными сфе-

⁴ Обоснование такого типа нуждается в ссылке на бытие, которое само не подлежит релятивизации. Такую попытку можно усмотреть в понимании политики Г. Риккертом. Этот философ считал цивилизованными политическими действиями только такие, которые обуславливают реализацию самостоятельных целевых ценностей, придавая им одновременно статус абсолютных. Речь идёт о ценностях святости, морали, красоты и истины. При таком способе мышления окончательным обоснованием политических действий является духовная культура. Короче говоря, политическая деятельность воплощается в обеспечении возможностей реализации религии, морали, искусства и науки [Rickert 1920: 103]. Аналогичную концепцию с применением иного понятийного аппарата сформулировал В. Дильтей. Он пишет о так называемых внешних организационных формах общества, к которым причисляет структуры государства вместе с административным аппаратом, и внутренних формах, в которых выражается духовное содержание [Dilthey 1883: 65–153].

⁵ В дальнейшем я ограничиваюсь только размышлениями о европейских культурах.

рами, что их нетрудно отделить друг от друга. Но их автономность не означает, что они полностью независимы одна от другой [Zieba 2012: 117]⁶. Наоборот, образующие их смыслы и системы смыслов не только влияют друг на друга, но и взаимосвязаны между собой. Одновременно некоторые из них имеют большее или меньшее значение. Тем самым они в различной степени влияют на политические значения, и потому не только определяют содержание данных значений, но и обосновывают их посредством присущих им ценностей. Особую значимость приобрели отношения, которые в европейской культуре происходили и происходят между её системами или основными сферами — собственно политикой и религиозной, моральной, философской и прагматичной мыслью, которая направлено на реализацию экономических интересов.

Можно считать, что сформировавшаяся в Риме политическая система является не только самой древней (в культурах бассейна Средиземного моря существовали более древние культуры Египта, Трои, Финикии, Карфагена), но и по-прежнему является основанием средиземноморской культуры. Уже с самого начала она формировалась как относительно самостоятельная и подчиняющая себе остальные сферы культурной жизни человека, в том числе мораль, кровнородственные связи⁷ и религиозные верования того времени. Последующая история Рима подтверждает примат публичной сферы над всеми остальными. Государство, право и политические действия оставались не только автономными, но и в конечном счёте господствовали над остальными сферами. Во времена республики сформировалась наиболее чистая и отличная от остальных сфер система политических действий. Республика или государство (если использовать современную номенклатуру) была главной ценностью, определяющей обоснованность действий римлян. Эта модель политического поведения была унаследована принципатом, а затем Римской империей в первые столетия новой эры. Более того, доминирование государства над остальными сферами жизни культуры (включая религию) выразилось в его обожествлении в лице Цезаря. В этом смысле обожествление государства достигло своего апогея, после которого возможной была только переоценка и даже полное отрицание прежнего способа мысли. Процесс упадка доминирования политики над остальными сферами и полного отрицания её автономии начался вместе с ростом влияния культур Ближнего Востока на цивилизацию Рима. Тогда как упадок политической модели общества данной культуры происходил по мере признания христианства государственной религией. С этого времени именно христианская религия и её истины (а на деле Церковь как её организационная форма и произвольное понимание так называемой «миссии Церкви» в зависимости от обстоятельств) фактически обосновывали и детерминировали политические действия. Этот способ мышления не только доминировал над остальными сферами, но и достиг кульминации в мысли европейского Средневековья. В данном способе мышления верховный жрец христианства — римский *Pontifex Maximus* — не только черпал свои претензии, но и признавался Римским Кесарем, стоящим над политической властью. Конкретные политические действия тоже обосновывались ссылкой на религию, а войска Священной Римской империи, а затем армии средневековых монархий отправлялись в военные походы под знаком креста. Крестовые походы подтверждают такой способ обоснования политических действий. Первоначально они предпринимались с целью освобождения, затем защиты Святой Земли и Иеру-

⁶ Р. Рорти высказывается против автономии философии.

⁷ Показательным для данной системы следует признать один из первых политических актов, который имел место после основания города. Речь идёт о поведении Ромула в отношении своего брата-близнеца Рема. Когда после образования нового города был установлен закон, согласно которому никто не должен нарушать установленных границ под угрозой смерти, Рем пренебрёг запретом и нарушил границу, Ромул своими руками убил брата, исполняя обязательный закон. Это предание указывает, что для будущих римлян соблюдение закона оказывалось важнее морального поведения и даже связей родства, соединяющих братьев-близнецов.

салима (прежде всего Гроба Господня) от «неверных». Религиозное обоснование использовалось также при захватах так называемых «земель варваров» и обращению их жителей в христианство под угрозой меча. Такой способ мышления обосновывал также реализацию действий в рамках карательных экспедиций против еретиков, иноверцев и религиозные войны XVI–XVII в. Призыв к религиозным ценностям, а также изменение религиозных обоснований были связаны с колониальными захватами в обеих Америках и зачастую с уничтожением местного населения. Поэтому политика в Новое время не была свободной от детерминации религиозными значениями. Хотя следует отметить, что то был также период (особенно во времена религиозных войн в Европе), в котором происходило постепенное, но медленное освобождение политических действий от религиозных смыслов. Одновременно религиозное обоснование теряло значение в пользу попыток мышления, апеллирующего к теоретическому разуму. Фидеизм медленно, но систематически заменялся рационализмом.

Новое время — это время, в котором на место религиозного мышления приходит мышление, которое обычно определяется как рациональное. Оно воплощается прежде всего в философии и научных исследованиях. Именно в рамках данного мышления формулируется критика прежнего религиозного обоснования, и одновременно формулируются философские проекты политического общества, апеллирующие к разуму. Осуществляются попытки мыслить рационально, в соответствии с правилами теоретического разума, принципами логики и в рамках понятийных категорий, которые признаются не только адекватными, но и всеобщими по отношению к объясняемой действительности. При этом основания формулируемых в данных категориях политических проектов ищут не столько в извечной традиции, авторитете её творцов, важности священных книг и вере, сколько в свидетельстве чувств и силе человеческого разума. В рамках данного мышления сформулированы попытки объяснить политические процессы и управлять ими (в трудах Макиавелли, Гоббса, Локка, Руссо, Канта), а также проекты усовершенствования и даже абсолютно нового политического устройства (включая реализацию идеального общества Кампанеллы, Мора и др.). Подобно прежнему религиозному мышлению, философские идеи с момента их соприкосновения с политикой ставят под вопрос всю прежнюю практику, придавая одновременно действиям новое обоснование. Такое соединение идей с политикой означает также, что теоретические пропозиции входят в практическую действительность и, в зависимости от содержания, бывают одновременно выражением или взаимосвязью с определёнными экономическими или политическими интересами социальных групп. Мысль, которая выростала из теоретических инспираций, начинает функционировать в рамках практического мышления, в данном случае — политических интересов, образуя их обоснование. Указанный способ мышления принято определять понятием идеологического мышления. Оно обусловлено экономическим или политическим мышлением, или выражает и обосновывает данные интересы. Классическим примером здесь является марксизм. Эта доктрина действительно выросла из теоретических инспираций — попыток объяснить и понять социальные и экономические изменения эпохи возникающего капитализма. Однако с момента взаимосвязи марксизма с интересами определённых социальных групп (классом эксплуатируемых) он начал функционировать как идеология, выражающая и обосновывающая интересы нового сформировавшегося класса профессиональных революционеров и творцов так называемого «нового политического порядка». В таком мышлении происходит если не полная элиминация, то настолько сильное ослабление теоретических моментов в пользу практического мышления, что первичная философская концепция (выросшая из критики и стремления к научности) теряет свои познавательные достоинства в пользу обоснования так называемой «новой действительности». Более того, в новой апологетической роли марксизм не только не позволяет познавать социальные механизмы, но во имя выражаемых им интересов служит сокрытию истины и даже сознательному обману. Вопреки намере-

ниям, которые возникли при формировании марксизма, он оказался иррационализацией действительности. Это означает подчинение теоретического мышления, включая философское, практическим действиям. В результате строгие научные теории (эволюционизм и демография), а также философские теории (марксизм) служили не объяснению социального поведения, но обоснованию политических действий. Такая формула обоснования политики аналогична религиозной формуле. Она стала особенно модной в XIX–XX вв., в период доминирования сциентизма. Это означало, что взаимосвязь философского и научного мышления с практикой не только достигла своего апогея, но и привела к отрицанию их познавательных функций. Вместо раскрытия действительности философия и наука стали искусством её сокрытия.

4. Public relations как обоснование политики

Современность зачастую определяется как время отхода от идеологического мышления, которое при объяснении политической действительности апеллирует к философии и науке, в пользу концентрации на конкретных и даже сиюминутных практических решениях. Вместе с падением фашизма и национализма в середине и европейского коммунизма в конце XX века был провозглашён конец эпохи идеологии и даже конец истории [Fukuyama 1996]. Здесь не место объяснять все причины. Укажу только те из них, которые выразились в формировании нового способа политического мышления. К ним принадлежат рухнувшие надежды и трагический опыт обществ, испытавших фашизм и коммунизм. Следствием реализации данных идеологий стали тоталитарные системы, которые означали не только отрицание свободы и самостоятельности, но и жизни человека. Эти системы обычно апеллировали к так называемому «научному мировоззрению» или вдохновлялись научным знанием того времени. Такое ограничение автономии и свободы человека не вытекало из индивидуалистической традиции христианской культуры, ориентированное на индивидуальное спасение души. И потому оказалось в значительной мере причиной отбрасывания модели тоталитарного политического общества. Тоталитарная система связывалась с мышлением в категориях «больших идеологий»; ей противопоставлялась политическая система, свободная от идеологий. Этот «новый прекрасный мир» должен был стать одновременно миром свободы, свободного человека, свободного рынка и политики, миром прав человека и гражданина. Стало быть, отбрасывание целостного объяснения социальной действительности, в том числе идеологического мышления, было следствием изменений в политическом мышлении конца XX века. Можно утверждать, что при сопоставлении с действительностью исчерпалась возможность объяснения и обоснования формулируемой в рамках данных систем политической действительности и обоснованность холистической идеи понимания процессов европейской культуры⁸.

В определённом смысле процесс разрушения идеологического мышления подтверждался изменениями в философском мышлении. Конец XX века — время краха философии как знания так называемых «первопричин». Философия отказывается от познавательной задачи, которая считалась основной и выражалась в вопросе: что является первичным и основным в порядке мышления и бытия? Философия первопричин и классическая форма её разработки была признана бесплодным и непродуктивным занятием. Вслед за провозглашением конца метафизики был провозглашён конец философии в её прежней форме целостного и системного мышления. Поэтому естественным образом произошёл «отказ» от формулировки целостных политических проектов. Отказ от мышления такого типа был связан с постулатом

⁸ Специфическим подтверждением отрицания позитивного идеологического мышления были антиутопии или антиидеологии, указывающие не только на ограничения, но и угрозы, вытекающие из попыток целостного подчинённого идеям разума, формирования социальной действительности.

ограничения философского мышления пониманием политической действительности в параметрах «текущих вопросов» в их повседневности и даже обыденности. Это означало концентрацию философии — в данном случае политической мысли — на конкретных действиях и политических решениях, и прагматизацию политической философии. Такая формула мышления полагает образцом осторожного, уравновешенного в суждениях и даже скептического философа. Такой философ чаще сомневается, чем формулирует однозначные и определённые суждения. А по отношению к миру политики он следует принципу: мир невозможно улучшить каким-либо одноразовым (революционным) политическим актом. В лучшем случае его можно улучшать «со дня на день». При таком положении любые целостные проекты, по крайней мере, в официальной и провозглашаемой для широкой публики доктрине, могут быть признаны лишь недоразумением и ненужной тратой энергии и времени. В крайней версии такой способ мысли принимает формулу: рациональному человеку остаются лишь частичные улучшения. А для них не нужна «большая философия». Вполне достаточно умения практика, в лучшем случае специалиста. На первый взгляд, с таким способом мысли можно согласиться. Но проблема в том, что практика (особенно при исключении из неё любых идей и перспектив вытекающих из них следствий) тоже может функционировать в процессе накопления частных случаев в соответствии с принципом всеобщих и целостных изменений таким же образом, как и действия, которые руководствуются определённой идеологией или политическим проектом. Более того, авторитарные и абсолютистские системы, отрицающие одновременно волю диктатора, автономию и свободу индивида и общества, не менее часто оказывались следствием действий, направленных на достижение практических целей, чем действия, в основе которых лежали общие идеи и целостные проекты. Короче говоря, ограничивающие человеческую свободу тоталитарные системы с той же частотой были результатом практических действий, как и системы, которые формулировались на основе апелляций к «большим идеологиям». К тому же сами идеологии обычно вырастают из практических действий и являются их обобщением.

Одновременная прагматизация и иррационализация современной культуры, включая сферу политических действий, выражается также в коммерциализированной пропаганде экономических и политических интересов. Она функционирует под хитрым и сознательно вводящим в заблуждение названием *public relations (nuapa)*, которое направлено на успешную презентацию данных интересов. Такой способ мышления не только допускает, но и предполагает подчинение категорий (или аутотеличных ценностей) истины, справедливости, свободы и сакральных требованиям практики и даже ситуации, которые сплошь и рядом определяются потребностями и сиюминутной пользой. *Public relations* унаследовали смысл понятия «пропаганда», которое в общеупотребительном языке связано с отрицательными коннотациями. В обоих случаях речь идёт об искусстве если не лицемерия, то приукрашивания действительности. Это происходит независимо от того, используется ли при этом белый или чёрный пиар. Они отличаются только тем, что первый использует данное искусство и подчинённые ему механизмы в позитивных целях, а второй для негативного представления конкретной идеи, ситуации, личности. Все практики такого типа, независимо от того, ссылаются ли они на убеждение или непосредственную манипуляцию, определяются позитивно понятием публичных отношений (*public relations*). Но все они сводятся к инструментальной трактовке действительности. Для них характерны постоянное расхождение с истиной, использование заменителей истины — полуправды, инсинуации и лжи. Всеобщей и наиболее досаждающей формулой такого способа мышления является реклама. С учётом характера и функций пиара можно утверждать, что ради успеха действий прагматизм использует идеологию, которая опирается на манипуляцию мыслями и действиями людей.

5. Конфессионализация политики

С прагматизацией политики и подчинением её категорий сиюминутной пользе связан рост значения мышления, опирающегося на эмоционально-чувственную сферу. В этом смысле произошла специфическая иррационализация современной культуры. Она выражается в маргинализации и пренебрежении рациональными элементами в традиционно интеллектуальных сферах культуры (философии, науке), а также в остальных сферах (повседневности, религии, искусстве, политике, социальных отношениях). Парадокс в том, что причиной этого процесса оказываются те моменты культуры, которые в принципе должны способствовать интеллектуализации и рационализации общества. Следует отметить, что философия и наука не только обеспечили человека знанием и возможностями успешного действия, но и обнаружили пределы данных возможностей. По крайней мере, со времени Просвещения рост знания лишил человека иллюзий, которые ему предлагали философия и наука. Упадок сциентизма XIX–XX вв. был одновременно началом конца некритической веры в науку и прогресс, а также в неограниченные возможности и светлое будущее человеческого рода. Этот процесс происходил в атмосфере нарастания прагматического мышления и попыток его распространения на уровне «знания для всех». С ним были связаны процедуры, ведущие к пауперизации образования. Они нашли выражение в сфере школьного образования в предпочтении так называемых «практических умений», сводящих знание к ответу на вопрос: что делать, чтобы жить, и как это сделать? Отказ от гуманитарного знания и разностороннего естественнонаучного знания оказался связан в широком социальном измерении с ростом интереса к так называемому «пограничному знанию» между наукой и мнениями, домыслами, фантазиями, импровизацией. При таком способе культурного мышления становится обязательным принцип: хорошим является лишь то знание, мысль, искусство, которое пробуждает интерес и даже вызывает шок, во всяком случае, пользуется всеобщим признанием. Демократизация обществ, особенно всеобщий доступ к СМИ, превратили каждого, кто умеет ими пользоваться, в эксперта и креатора общественного мнения. Такая система смыслов и социального поведения означает элиминацию принципов логического мышления и положений, подтверждённых опытом, в пользу так называемого обыденного сознания, которое постоянно идёт на так называемые «сокращения» и дополняется фантазией и импровизацией. Такое воздействие, лишённое критического мышления, доминирует в современном культурном мышлении. Оно означает не только устранение интеллекта из политического мышления, но и эмоционализацию самой культуры.

Следствием этого процесса является отказ от идеи, а затем и от попыток рационального формирования общества как целого в пользу сиюминутных оценок и погружения в массовое сознание. В культурных действиях (не только в сфере развлечений, но и в политике) ограничиваются презентацией внешних форм бытия с одновременным уходом от вопроса о ценности данного бытия и смысле таких действий. Подобно тому, как в литературе комикс заменил литературу, так и в политике (в соответствии с прагматическим принципом вытеснения сложного и трудного простым и лёгким) произошёл отказ от мыслей и идей в пользу пиара власти. Но это не значит, что функционирование в повседневности не нуждается в обосновании. Не находя его при данном положении вещей в интеллектуализме, недооценивая и даже отрицая эту формулу, апеллируют к всеобщему способу мышления, который распространён сегодня. Но это скорее эмоциональное, а не рациональное и интеллектуальное мышление.

Как уже отмечалось, процесс переоценки не ограничивается переоценкой в рамках отдельных сфер, но охватывает отношения между ними в рамках одной культуры и между культурами. Это выражается в усилении эмоционально-религиозные тенденции, которые ха-

рактены не только для культур ислама и Востока, но и для европейской культуры. В данном случае речь не идёт об экспансии традиционного католицизма, протестантизма или православия, но об отходе от указанных религий в сторону эзотерической и сектантской религиозности. В рамках традиционных конфессий усиливаются религиозные тенденции, но этот процесс не выражается в углублении «внутренней религиозной жизни» и в открытости религии к человеку и его проблемам. Происходит возврат к идее персонализации сатаны, образа ада и экзорцистских практик, а также экспонирование показного религиозного поведения. Такое отношение не имеет ничего общего с верой в трансляцию и реализацию Евангелия. Приходится постоянно убеждаться, что религия зачастую понимается инструментально, особенно в среде так называемых «религиозных и политических элит». Это ведёт одновременно к идеологизации религии и использованию её в качестве политического средства. Во всяком случае, процесс иррационализации европейского христианства не тождествен углублению религиозности, понятой как стремление к сакральному, следовательно, к евангелическому совершенству современного христианства и его сторонников. Нельзя исключить также влияние религий Ближнего и Далёкого Востока на процесс углубления иррационализации европейской религиозности и проникновения в европейскую культуру. Особенно значима экспансия ислама в его фундаменталистско-террористической версии. В современном мире она приобретает формулу мировой войны с так называемыми «неверными» или «инаковерующими». Процессы иррационализации европейской культуры связаны с так называемыми «нишевыми (серыми)» формами квазирелигиозности (религиозные секты, язычество, эзотеризм, магия, астрология и т. п.), а также эмоциональными формами мировоззренческой мысли. Среди последних особое место занимают течения так называемой «экологической философии», «философии пола», «философии борьбы».

Пересадка указанных способов мысли означает прогрессирующую иррационализацию политической культуры, что особенно характерно для посткоммунистических стран Центрально-Восточной Европы. Здесь культивируются меры, направленные на подчинение публичного образования требованиям религии, обозначение публичных институтов религиозными символами, придание государственным праздникам религиозного характера. Это приводит к тому, что религиозные обряды функционируют по принципу политических действий. Такие практики выражают конфессионализацию государства и публичной жизни или прагматизацию и инструментализацию религии. Они равнозначны возникшему после эпохи идеологизации публичной жизни доминированию религиозного мышления, включая версии фундаментального радикализма над государством и обоснование политических действий с помощью религиозного мышления. Тем самым возникает вопрос: какие последствия несёт такая ситуация не только для государства и публичной (политической) жизни, но и для религиозного мышления и религии?

6. Преодоление партикуляризма или о потребности возврата к политическому разуму (заключительные замечания)

Политическая власть и любая политическая деятельность, несмотря на фактические основания своей обязательности⁹, всегда нуждалась и вела поиск «некого» обоснования. И всегда «его» находила. Обоснованием служили идеи и идеология республики (Древний Рим), религия, рационализм Нового времени и вытекающие из него идеологическое мышление. В настоящее время эту роль выполняет политический прагматизм в версиях либерального

⁹ Независимо от того, была ли нею исправность политической системы, экономическая исправность, военная сила, тотальная слежка и социальный террор.

консюмеризма и политического фидеизма. Ранее шла речь об их функционировании в «чистом виде». С учётом различий между ними следует подчеркнуть доминирование отдельных из них, которые функционировали в целостности смыслов и взаимно дополняли друг друга в укладе смыслов, которые им определяла европейская культура. Каждая из данных формаций приводила к особым последствиям для функционирования общества в целом и для жизни отдельных людей. Как я показал, такие последствия содержит политический прагматизм в его либеральной и фидеистской версиях. В первой версии он означает погружение политических действий в повседневность, в текущие потребности и интересы; во второй версии — подчинение государства и публичных институтов требованиям религиозного мышления, а в некоторых случаях даже их отождествление. Однако предшествующее изложение позволяет утверждать, что трудно было бы признать каждую из них одинаково желательной для политики, повседневной жизни, религии или собственной религиозной жизни человека.

Доминирование повседневности над политикой, отождествление её с реализацией сиюминутных интересов есть не только политизация жизни в её индивидуальном измерении, но и прежде всего лишение человека проекта политической реализации в длительном периоде существования. Речь идёт о лишении общества целей своей реализации и смыслов существования. Того, что определяет идентичность политического общества не только с точки зрения её прошлого, но прежде всего будущего. Сведение её бытия к «теперь» без потребности вопроса о будущем. Того, что особенно в арелигиозных обществах определяет метафизику их сохранения и реализации. Как правило, такие политические общества наталкиваются на деструкцию мышления, определяющего их идентичность как общности в пользу большинства индивидуальных интересов, или, иначе говоря, специфической приватизации и партикуляризации политики. Погружение в прагматизм повседневной жизни может означать, что цивилизация потеряла динамику и даже идёт к упадку. Её следствием обычно является не только распад, но и упадок политических обществ.

Не менее опасной для государства, политики и религии является смесь указанных двух сфер культуротворческой активности человека. Доминирование государства над религией ведёт к политизации религии и инструментальной её трактовке политиками, что не соответствует автотеличному статусу религиозных ценностей. Это способствует мнимому преобразованию отношений между тем, что является публичным (цивилизация) и должно создавать условия для реализации религиозных действий, и тем, что определяет одну из формул духовного совершенствования человека. Это ведёт к отрицанию религии в пользу успеха политических действий и прагматизации сферы духовной жизни человека как индивида, так и социального измерения его бытия. В итоге культура сводится к одному её измерению. В такой ситуации всё становится политикой, если даже ей подчиняется религия. Не менее опасной является ситуация, при которой мы имеем дело с подчинением государства религии. Это означает формирование конфессионального и тем самым нетолерантного государства в отношении других ориентаций, в том числе религиозных. Такое государство и реализуемая в его рамках политическая деятельность становится религиозным сообществом, функционирующим в рамках политической организации. Это также одномерное общество с естественным фундаменталистским характером. Поэтому оба вида прагматизма ведут к партикуляризации политических действий, вследствие чего политика теряет свое основное измерение — формирования и гарантирования условий реализации не только сохранения человека, но и возможностей его как можно более многостороннего развития. Стало быть, прагматизм в обеих своих формулах — политического консюмеризма и ограничение своей обоснованности. Более того, он оказывается формулой, вредной для каждой из остальных отношений в сфере цивилизационной жизни и духовной культуры.

При таком положении вещей ответ на вопрос о потребности рационализации прагматизма как формулы функционирования политики вполне обоснован. С учётом данного следствия можно полагать, что более желательной была бы ситуация, при которой отдельные сферы в культуре могли бы функционировать как рядоположные. По крайней мере, при сохранении такой меры автономии, которая позволяла бы им в любом случае сохранять собственную идентичность и лучшую из возможных реализацию ценностей, определяющих каждую из них. Таковую их формовку я здесь определяю как рационализацию не только политических действий, но и культуры в целом. В отношении государства это означает реализацию таких ценностей, как социальная справедливость, политическая свобода, безопасность индивида и общества, мир и социальный порядок и т. п. В отношении религии речь идёт о сакральности человека как индивида или хотя бы о моральном совершенствовании целых общностей, включая политические. Тогда как активность в сфере повседневности должна концентрироваться на реализации интересов, обеспечивающих материальные условия функционирования. В этом смысле философия как формула рационализации действительности и потому нового её обоснования, по всей видимости, находит обоснование в самой действительности, как и в самом прагматизме. Ибо она может означать преодоление прагматизма в пользу автономии и многомерности нитей европейской культуры. В этой культуре отдельные её элементы в пространственно-временных рамках противоречат друг другу. Однако в рамках целого они являются комплементарными, взаимно дополняя и расширяя множество актуальных и возможных форм человеческой активности.

Перевод с польского В.П. Макаренко

Dilthey W. 1883. *Einleitung in die Geisteswissenschaften*. — Leipzig.

Fukuyama F. 1996. *Koniec Historii*. — Poznań.

Marks K. 1949. Tezy o L. Feuerbachu. — K. Marks, F. Engels. *Dziela wybrane*, t. II. — Warszawa

Rickert H. 1920. *System der Philosophie. Erster Teil. Allgemeine Grundlegung der Philosophie*. Wyd. I. — Berlin.

Rorty R. 2009. *Filozofia jako polityka kulturalna*. — Warszawa: Czytelnik.

Zięba W. 2012. Filozofia w służbie polityki. — *ΣΟΦΙΑ. Pismo Filozofów Krajów Słowiańskich*. — № 12.